

доступа : <https://huxley.media/povtorenie-mat-uchenija-i-pribezhishe-oslov-glasit-narodnaja-mudrost/>. – Дата доступа : 10.10.2021.

16. Емец, Д. А. Таня Гроттер и локон Афродиты / Д. А. Емец. – М. : Эскмо, 2016. – 352 с.

17. Аتكритка №231804 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://atkritka.com/231804/>. – Дата доступа : 10.09.2021.

18. Аتكритка №148171 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://atkritka.com/148171/>. – Дата доступа : 10.09.2021.

19. Терпение и труд // pikabu [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pikabu.ru/story/terpenie_i_trud_7895741. – Дата доступа : 11.09.2021.

20. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

21. Большой фразеологический словарь русского языка: значение. употребление. культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс книга, 2006. – 784 с.

22. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

Abstract. The article analyzes the titles of the chapters of the book series by D. A. Yemets, which are transformed paremias (anti-words), explains the meaning and origin of prototype paremias, determines the type of transformations according to various classifications, and also explains the meaning of the titles in the context of their connection with the texts of the chapters to which they are prefaced.

Keywords: title, children's literature, phraseological unit, idiom, aphorism, proverb, transformation, anti-phrase, prototype, phrase creation.

УДК 811.161.1'276'373.7:398.9

Н. Ф. Алефиренко

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ СТИМУЛЫ ФРАЗЕМОСЕМИОЗИСА

Аннотация. Рассматриваются когнитивные механизмы фраземосемиозиса, под которым понимается речемыслительный процесс, управляющий возникновением и функционированием знаков косвенно-производной номинации. Природа косвенно-производной номинации предопределяется сопряжением ассоциативно-образного и дискурсивного мышления, запускающим механизмы лингвокреативного фраземосемиозиса. Доказывается, что дискурсивное мышление порождает образную модель номинируемого фразеологизмом коммуникативно значимого фрагмента картины мира.

Ключевые слова: фраземосемиозис, лингвокреативное мышление, перцептивный мир, образ, дискурсивно-модусный концепт.

1. Когнитивные факторы фраземосемиозиса связаны с лингвокреативными механизмами ассоциативно-образного мышления [см. о соотношении семиозиса и семиотики: 1; 2, р. 29–116; 3]. Под фраземосемиозисом нами понимается речемыслительный процесс, ведущий к возникновению знаков косвенно-производной номинации – фразем (в европейской терминологии фразема = идиома) [4, с. 19]. Исходной гипотезой служит предположение о том, что природа косвенно-производной номинации обуславливается сопряжением ассоциативно-образного и дискурсивного мышления, запускающего механизмы лингвокреативного фраземосемиозиса [5; 6]. Дискурсивное мышление порождает образную модель номинируемого фразеологизмом коммуникативно значимого фрагмента картины мира. Так, фразеологизм *волк в овечьей шкуре* в образной форме обозначает коварного, вероломного человека через устоявшееся в коллективном сознании представление, с одной стороны, о *о л к е* как крайне опасном и хищном звере. В Евангелии этим выражением Иисус предупреждал своих учеников: «*Берегитесь*

лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре, а внутри суть волки хищные». В христианском образном мировосприятии волк – символ дьявола, представляющего угрозу верующим своим притворством. В древнегреческом трактате «Физиологусе» его коварная алчность описана весьма впечатляющим фрагментом: встретив человека, волк притворяется пораженным параличом, чтобы затем нанести простодушному смертельный удар. С другой стороны, образ овцы, символизирующий безобидность и невинность. При поверхностном восприятии волки в овечьих шкурах выглядят как вполне безобидные. Лингвокреативные механизмы фраземосемиозиса опираются (а) на творческое использование уже имеющихся в народном сознании языковых образов и (б) на способность порождать те выражения, смысл которых проецируется ассоциативными связями новой дискурсивной ситуации с ранее сформированными в этнокультурном сознании образами. В современной речи лингвокреативный потенциал данного фразеологизма проявляется в расширении его смыслового диапазона: обманщик, лицемер, фарисей, иезуит, двурушник, притворщик и др.

Закрепление процессов познания фразеологическими единицами сопряжено с механизмами ассоциативно-образной фиксации экстралингвистической действительности в языковом сознании коммуникантов и «языковлечения» возникших продуктов когнитивной знаками непрямого номинации. Данный постулат послужил основанием для выделения различных видов языковой картины мира (ЯКМ). Всё чаще стали говорить о паремийной и фразеологической картине мира [7], в основании которой лежит глобальное понятие современной теории речемышления – когнитивная метафора [8; 9; 10]. Различные ее толкования содержатся в популярных ныне трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Н. Д. Арутюновой, Н. Ф. Крюковой, В. Н. Телия, Е. О. Опариной и др. Однако их интересные исследования лишь открывают новые аспекты проблемы когнитивной фразеологии. Наши изыскания показывают ее неисчерпаемость, так как в каждом исследовании наряду с ответами на существующие появляются новые «белые пятна», появляется необходимость углубленного осмысления механизмов функционирования единиц образной номинации. Для решения многих проблем когнитивной фразеологии необходимо, хотя это и непросто, очистить зерна от плевел. Во-первых, когнитивные факторы фраземосемиозиса не следует отождествлять с одним лишь психическим отражением. Главное их различие: по сравнению с психическими, когнитивные факторы имеют интегративно-конвергентную природу. Опираются они как на осознаваемые, так и на подсознательные акты. Повод для таких утверждений дает психология. Так, А. Н. Леонтьев, рассуждая о сущности образа мира, отмечал, что в сознании человека в процессе познания формируется «многомерный образ мира». Вводимое А. Н. Леонтьевым понятие ученый истолковал как «целостную, многоуровневую систему представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности» [11]. На основе предложенного понимания образа мира современными исследователями делаются попытки примерить к такому «многомерному образу мира» фразеологические средства его интерпретации.

Действительно, в структурировании когнитивно-прагматического слоя картины мира фраземика играет ведущую роль. Ясно также, что «многомерный образ мира» моделируется сопряженными усилиями единиц разных языковых уровней. Чем выше структурный уровень языка, тем более важную роль играет синергия всех нижележащих языковых уровней. Однако осмысление места фраземики в структурировании картины мира пока ограничивается иллюстративным описанием, что для когнитивной фразеологии служит весьма ценным материалом. И всё же для исследования фраземосемиозиса как функционально-прагматического механизма формирования столь «многомерного образа мира» требуется осмысление когнитивной составляющей. В этом плане, разумеется, не обойтись без категорий мышления и сознания, восприятия, памяти, эмоций и др. психических явлений.

2. Прежде всего, фразеомообразование связано с процессами восприятия, которые, по мнению Б. Ф. Ломова, невозможно рассматривать обособленно от памяти, мышления, эмоций и др. психических явлений. Действительно, как убеждают наши предыдущие исследования, процесс, благодаря которому, собственно, и возникает мощный субъективно-объективный фон языковой картины мира, связан с формированием дискурсивно-модусных концептов – когнитивного субстрата фразеоморождения [12, с. 7–12]. В отличие от картины мира – диктумного представления об устройстве окружающей действительности и понимания роли в нём человека – ЯКМ обладает специфическими характеристиками. Во-первых, это эксплицируемое языком вторичное восприятие мира – результат модусного преломления в человеческом сознании реальной действительности; во-вторых, исторически сложившаяся в обыденном сознании каждого этноязыкового сообщества совокупность ценностно-оценочных представлений о бытийном пространстве. Всё это служит когнитивно-прагматическим способом структурирования эмотивного слоя концептосферы родного языка.

Формирующийся таким способом *субъективный образ мира* является ассоциативно-смысловым продуктом когнитивной деятельности человека. Это утверждение базируется на том, что фразеологическая составляющая в ЯКМ своим возникновением обязана такой же многоканальной, т. е. нелинейной, синергийной и креативной, языковой деятельности. Характер фразеологической репрезентации субъективного образа мира во многом обуславливается сложным переплетением многовекторной деятельности людей. Интерпретируемый с этой точки зрения образ мира [13; 14; 15] открывает для фраземосемиозиса широкие возможности:

- включать в свой лингвокреативный арсенал уже преобразованную реальность;
- вырваться из «серого» одноплоскостного мировосприятия;
- расставлять ценностно-смысловые акценты в неосфере своего бытования;
- формировать осмысленную картину мира в ассоциативном соотношении предметных и словесных образов.

Межуровневая сущность фраземосемиозиса является когнитивно обусловленной. К тому же такая обусловленность имеет изоморфную природу. Дело в том, что, как доказывают психологические изыскания, субъективный опыт, на основе которого формируется образ мира, имеет, подобно языковой системе, уровневую организацию. Это один из базовых постулатов когнитивной психологии [13].

Прежде всего, нужно отметить, что отображение субъективного опыта фразеомообразующими компонентами осуществляется на двух взаимосвязанных ярусах познания: поверхностном и глубинном. На поверхностном ярусе структурируется чувственное восприятие мира. Глубинный ярус содержит результаты его рационально-эмоционального осмысления.

Начальный этап возникновения образа мира является переходом от одной предметно-чувственной презентации реалий к другой – дискурсивно моделируемого восприятия того или иного коммуникативно значимого события. Так, начальным этапом возникновения образа фраземы [*строить*] *воздушные замки* служит поверхностная, чувственно-размытая картинка замка в нереальном воздушном пространстве. Эта картинка создается семантикой свободно рационального смысла соответствующего концепта, отражающего нечто фантастическое, невыполнимое, несбыточное. Такого рода переход, осуществляясь по сенситограмме «чувственное – рациональное», оформляет концепт во всём его ценностно-смысловом спектре: ‘фантастические, невыполнимые планы, замыслы, несбыточные мечты’. Из каких этапов состоит процесс порождения данного смыслового содержания? Ответить на этот вопрос – значит определить источники возникновения основных слоев дискурсивно-модусного концепта, служащего когнитивным субстратом фразеологической единицы. Полагаю, что многослойная структура дискурсивно-модусного концепта, репрезентируемого той или иной фраземой, де-

терминируется онтологическим предназначением каждого уровня познания того объекта, который подлежит фразеологической репрезентации.

Основными следующими друг за другом механизмами отражения номинируемой фраземами действительности являются четыре процесса:

- а) сенсорно-перцептивный,
- б) ассоциативно-образный,
- в) речемыслительный,
- г) народно-понятийное познание.

Когнитивно-дискурсивная специфика такого восхождения от предметно-чувственного к обыденно-понятийному уровню познания состоит в гармонизации субъективно-чувственного и этнокультурного факторов фразеологического знакообозначения.

1. Сенсорно-перцептивное отражение осуществляется в условиях непосредственного взаимодействия человека с реалиями – в тот момент, когда предмет напрямую действует на органы чувств. Результатом такого взаимодействия является, конечно, не копирование предмета восприятия, а более сложный процесс речемыслительного сканирования объекта косвенной номинации. Данное убеждение строится на выявленных лингвокогнитивной психологией сведениях, согласно которым сенсорно-перцептивный уровень, будучи опережающим отражением, включает в себя элементы антиципации (от лат. *anticipatio* – предвосхищаю). В когнитивной фразеологии антиципация формирует представление предмета косвенной номинации в сознании человека еще до того, как предмет реально воспринимается и осмысленно интерпретируется. Восприятие процесса фраземообразующей антиципации через призму опережающего отражения (П. К. Анохин) создает некий *концептуальный мост* (термин Е. Е. Витяева), соединяющий рациональное предвосхищение фразеологического денотата с эмоционально-образной оценочностью. В нашем примере такой мост ведет к актуализации таких оценочных компонентов, как ‘невыполнимость’ замыслов, их ‘несбыточность’. Мотивируя концепт и характер функционирования фразем, концептуальный мост служит также объяснением пути возникновения в семантической структуре фраземы ее эмотивного компонента. Когнитивную природу этого компонента можно раскрыть, опираясь на теорию эмоций, разработанную в когнитивной психологии П. В. Симоновым [15]. В свете его концепции эмотивность фраземы должна рассматриваться не как побочный, вне фразеологической семантики, компонент, а как ее полно-весную составляющую. В русле этой теории эмотивный компонент фразеологического значения по своей природе является продуктом отражения в нашем сознании какой-либо актуальной потребности и видением возможностей ее удовлетворения. Такого рода потребность оценивается нами на основе глубинных архетипов и ранее приобретенного субъективного опыта. Иначе говоря, эмоционально-образная оценочность возникает в результате ассоциативно-оценочного эффекта межуровневого взаимодействия всех фраземообразующих компонентов.

2. На этапе представления формируются уже не сугубо личностные, а обобщенные образы предметов и явлений. Наиболее характерная особенность представления состоит в том, что в нем соединяется наглядность и обобщенность. Как правило, представление о том или другом объекте формируется в процессе его многократного восприятия. Благодаря этому в ходе фраземообразующего взаимодействия единиц разных уровней происходит (а) селекция признаков объекта, (б) их интеграция и (в) трансформация. В результате этого в семантике фразем случайные признаки отсеиваются и фиксируются лишь те, которые прежде всего бросаются в глаза и в силу этого оказываются наиболее информативными. По этой схеме формируется представление (обобщенный образ) той денотативной ситуации, которая обозначается фраземой *выносить сор из избы / вынести сор из избы*. Из множества признаков первичной денотативной ситу-

ации отбираются лишь коннотации, вызываемые лексическими компонентами. Семантика существительного *сор* – ‘мелкие сухие отбросы, мелкий мусор’ сопровождается отрицательной коннотацией нечистот и грязи; глагол *выносить* кого-что ‘нести откуда-нибудь; неся, переместить за пределы чего-либо, вынести наружу’ обозначает 1. ‘Разглашать дразги, ссоры, происходящие между близкими людьми’. 2 ‘Разглашать где-либо или кому-либо то, что касается узкого круга лиц и чего не должны знать другие’. 3. ‘Разглашать семейные, внутренние раздоры, ссоры, дразги’. На уровне представлений структура фразеопорождающего образа, индуцируемого восприятием, меняется: образ, избираемый в качестве когнитивного субстрата фразеообразования, схематизируется, приобретает «панорамность». Это дает возможность выйти за рамки конкретно воспринимаемой ситуации. С помощью каких механизмов происходит расширение панорамного видения объекта именованного? – Ответ на этот вопрос нужно искать в лингвокогнитивном сопряжении процессов номинации и предикации. В процессе номинации осуществляется переход от референции (обозначения конкретного предмета) к денотации (обозначению обобщенного объекта). Особенно ярко такое сопряжение проявляется в таком многоуровневом виде косвенной номинации, как номинация фразеологическая. Обычно это выражение употребляется с отрицанием: «Не выноси сор из избы!». Переносное значение его обычно известно каждому: ‘не следует разглашать ссоры, дразги, происходящие между близкими людьми, или тайны узкого круга лиц’. А вот этнокультурные истоки этого фразеологизма требуют архетипного погружения в имплицитные смыслы традиционного русского мировосприятия. Связано это выражение с убеждением о существовании нечистой силы. По древним поверьям, сор из избы непременно должен сжигаться в печи, чтобы он не достался злонамеренным людям. В этой связи очень распространены в древности были так называемые знахарские «отводы» или «относы». Отводом мог служить, например, узелок, брошенный на перепутье дорог. Этим, считалось, устранялась различная хворь. В такой узелок обычно вкладывали печную золу, поскольку именно в печи сжигали сор из избы, а вместе с ним волосы и другие используемые в колдовстве предметы. Благодаря такого рода предрассудкам, «запрет выносить мусор из избы» обрел статус внутренней формы дискурсивно-модусного концепта.

3. На обыденно-понятийном уровне закладываются сущностные основания фразеологической номинации – ее способность интегрировать личностный и этнокультурный опыт [16] освоения окружающей человека среды. На этом уровне актуализируется наивное понятие – ядро дискурсивно-модусного концепта, выражающего основную идею фраземы. Поскольку обыденно-понятийная фаза взаимодействия фраземы и ее деривационной базы начинается тогда, когда «индивидуальный опыт обогащается многовековым багажом знаний [2; 17, с. 16], то фразеологическое значение на данном уровне обрастает соответствующими этнокультурными смыслами. Другим основанием для выделения уровней фиксации субъективного опыта являются способы и средства их знаковой репрезентации. Внешне выделение фаз фразеообразования по этому основанию имеет явное сходство с описанными выше уровнями. И все же оно имеет функциональную специфику.

Первая, самая поверхностная, фаза фразеопорождения соответствует первой и второй ступеням когнитивно-дискурсивного механизма лингвогенезиса – сенсорно-перцептивной и ассоциативно-образной. Одним из когнитивных конструктов этой фазы является понятие «*перцептивный мир*».

Для адекватного понимания первичного этапа фразеопорождения важно разъяснить сущность понятий «когнитивный конструкт» и «перцептивный мир». Под когнитивным конструктом данной фазы фразеопорождения понимается одна из категорий протOVERбального мышления. Его ментальное предназначение состоит в интерпретации (осмыслении) житейских компетенций. Феномен «личностного конструкта», согласно

адаптируемой нами к лингвокогнитивистике одноименной теории американского психолога Джорджа Келли, определяется как обобщение имеющегося у человека жизненного опыта [18]. На его основе им создается «классификационно-оценочный эталон», правомерность которого проверяется всё тем же личным жизненным опытом. Другими словами, личностный конструкт является неким архетипическим определением, оценивающим соответствующие явления и дискурсивные ситуации, для которых он служит своего рода эмотивно-ментальным «ярлыком». Такого рода «ярлыки» (а) избавляют нас давать оценочные определения ранее воспринятому объекту в новой дискурсивной ситуации – совокупности прототекстовых условий и обстоятельств, возникающих в сознании коммуникантов; (б) идентифицируют события; (в) в ярких красках воспроизводят те или иные фрагменты картины мира. Так, устойчивым выражением *сам чёрт ему не брат*, вместо ординарных определений, даются более яркие интерпретации:

- приводится оценочная характеристика человеку – крайне отважному, независимому в своих поступках;
- устанавливается полное совпадение уникальных признаков концепта «запредельная смелость»;
- экспрессивно идентифицируется дискурсивная ситуация, в которой кому-либо «всё нипочём».

Исходным для лингвокогнитивного осмысления понятия «перцептивный мир» для нас служит его истолкование отечественными исследователями психосемантики – сферы лингвокогнитивистики, реконструирующей скрытые феномены субъективного познания (значения и смыслы), имплицитно конструирующие образ мира коммуниканта [см.: 13, 19, с. 13–14, 27–39; 12; 17]. Перцептивный мир – это поверхностная структура, состоящая из системы внешних признаков. Их мысленная конвергенция порождает предсмыслы, превращающие образы в представления. Стимулом к избранию его в качестве лингвокогнитивного основания первичной фазы фраземопорождения служит его главное свойство. А именно: кроме пространственно-временных координат, в перцептивный мир включаются еще значения и смыслы.

Семантические координаты позволяют перцептивному миру выходить за пределы чувственного восприятия. Будучи «красочным», «перцептивный мир» оказывается качественно более сложной структурой, чем чувственный образ непосредственного восприятия референта. Созидаемый на базе сенсорного отражения (представлений), он наполняется системой значений и смыслов. Это делает его функционально родственным глубинным слоям личностного опыта. Своеобразие перцептивного мира обуславливается модусными характеристиками, что позволяет рассматривать его как более сложную структуру, чем сенсорно-перцептивное отражение. Это уже результат речемыслительного осмысления номинируемого фраземой события. Сравн.: у *разбитого корыта* – ‘потеря всего ранее приобретенного’. Поскольку этот слой соотносится с поверхностными структурами образа мира, весьма актуальным является взаимодействие фразем с их свободно синтаксическими генотипами, а также с синонимическими единицами, вербализующими данный денотативный образ, такими как (*остаться*) ни с чем, при *пиковом интересе*, с *носом*, в *дураках*; (*сидеть*) на *бобах*; (*пить, есть*) с *таким*.

4. Следующая фаза – семантическая. Следы отнесенности фразеологизма к номинируемым референтам сохраняются в этом слое в виде различных образных, признаков, субъективных представлений (сравн. представления о силе / слабости: *силушка богатырская, медвежья сила, геркулесова сила / силёнок как у цыплёнка, кишка тонка, хоть верёвки веи*). По своей природе такие образные представления близки к фразеологическим значениям, служат их генетическими истоками. Поэтому данный слой и называется семантическим. Фраземопорождающий эффект таких отношений обуславливается всеми тремя этапами формирования образа: сенсорно-перцептивного, представленческого и речемыслительного.

Сопоставление семантической фазы с образом мира позволяет говорить об этой фазе как о переходной прослойке между поверхностными и глубинными (ядерными) структурами фразеопорождения. Семантическая фаза уже не является только поверхностной структурой, так как кроме субъективного представления о референте содержит некий целостный образ (гештальт). На этой фазе осуществляется глубинное измерение фразеомобозначаемого фрагмента мира. В психолингвистических изысканиях А. Н. Леонтьева [11] такого рода глубинное измерение называется «пятым квазиизмерением», тем «смысловым полем», которое является одним из основных компонентов образа мира. Для формирования фразеологического образа «пятое квазиизмерение» играет приоритетную роль, поскольку данное измерение погружено в субъективное мировосприятие. И тем самым формирует в континууме образа мира тот его дискурсивно-модусный фрагмент, который выходит за пределы объективного метрического представления пространства, создавая субъективную значимость коммуникативного события. Достигается это несколькими психическими актами. Один из них состоит в аффективном «стягивании и растягивании» хронотопа (пространства-времени), разрушении его устоявшихся логических параметров и связей. Другой – является следствием первого, поскольку деструкция логических связей требует нового их упорядочения. С этой целью расставляются неожиданные, иррациональные пространственно-временные акценты. Семантическая сущность данного психического акта предопределяется его связями с дискурсивными процессами. На основе рационального и иррационального восприятия коммуникативного события формируется его дискурсивно-модусный образ, представляющий субъективное, пристрастное видение дискурсивной ситуации. Рационально-иррациональное синтезирование ассоциативно возникающего образа проецирует народное, обыденное понятие, которое служит основанием дискурсивно-модусного концепта, той единицы мыслекода, средством вербализации которой служат провербиальные единицы – фразеологизмы и паремии.

Семантическая фаза отличается от сенсорно-перцептивной двумя свойствами: а) целостным воспроизведением фразеологического денотата и б) воплощением личностных смыслов. Формируются они путем фиксации модусного отношения коммуниканта к дискурсивному видению коммуникативно значимого события. Именно личностные смыслы представляют глубинный (ядерный) слой идиоматизируемого образа мира. Глубинный слой фразеопорождения формируется в процессе интерпретации субъективных смыслов. Данный слой теснейшим образом связан с мотивационным уровнем ментальности языковой личности, с ее принадлежностью к той или иной этнокультуре. Этим, собственно, объясняются аффективные модуляции означаемого и означаемого фразеомознака, отражающие его этнокультурную специфику. В результате в одной лингвокультуре некоторые атрибуты дискурсивно-модусного концепта находятся в его эпицентре, а в другой – на периферии. Сравн. фразеологические номинации концепта «глупый человек»: белорус. *галава яловая, без клёпки ў галаве, конь божы, куст альховы, мех з саломай*; рус. *еловая голова, дубина стоеросовая, глуп как сивый мерин*; укр. *дурне сало без хліба, без сьомої клепки, десятої клепки не вистачає, мишком прибитий*. Подобные ядерно-периферийные смещения наблюдаются во фразеологических номинациях концепта «нищета»: белорус. *ні хаты ні палаты*; рус. *ни кола ни двора*; укр. *ні двору ні тину*. Такие же фразеологические номинации концепта «бессмысленная сделка»: белорус. *быка на індыка мяняць, галубку на саву мяняць*; рус. *выменять (променять) кукушку на ястреба*; укр. *проміняти вовка на собаку; виміняти ремінець на личко*.

В целом семантическая фаза фразеопорождения состоит в косвенно-производном означивании пристрастного истолкования картины мира. Косвенно-производная номинация базируется на ядерно-периферийном смещении ассоциативных признаков дискурсивного образа коммуникативно значимого события. В результате та-

кого рода ядерно-периферийных перемещений из глобальной картины мира формируется языковая картина мира, дискурсивно-прагматической доминантой которой выступает провербиальный код, состоящий из фразеологизмов и паремий.

5. Речемыслительный уровень формирования фразеологической составляющей языковой картины мира структурирует собственно значение фразеологизма.

Наиболее глубинным слоем, соотносимым с ядерными структурами языковой картины мира, являются структуры косвенно-производной номинации. Такие структуры порождаются в результате интерпретации продуктов познания, полученных на семантической фазе фразеопорождения. Основанием наиболее глубинного слоя возникновения структур косвенно-производной номинации служит так называемый образ мира. Это внемодальная (диктумная) структура. Она остается относительно статичной до тех пор, пока в результате осуществления текущей речемыслительной деятельности не начинаются смысловые сдвиги, адаптирующие элементы образа мира к коммуникативно значимому событию. При этом взаимодействуют все уровни отражения объектов фразеомобозначения: на этапах формирования образа мира, картины мира и языковой картины мира. Образ мира в процессе производства личностных смыслов проецирует картину мира. Ее семантический слой представляет собой осмысленную матрицу отношений между коммуникантом и актуально воспринимаемыми явлениями дискурсивной ситуации [20]. Она непосредственно связана с личностным восприятием, в том числе и с модусными его аспектами.

Семантическая ипостась картины мира создается глубинными механизмами субъективного освоения образа мира. Строительный материал ей поставляет «перцептивный мир» и, на более ранней ступени, непосредственное восприятие. Картина мира находится в своеобразном отношении гомоморфизма с образом мира. Образ мира управляет картиной мира, отражаясь в ней частью своих отношений, а картина мира «передает» ему разномодальные свойства и отношения его объектов. Языковая картина мира формируется в процессе оязыковления картины мира. Элементами обеих картин мира, в отличие от глобального и амодального образа мира, служат не предметные образы (первичные объекты языковой номинации), а их этнокультурные производные [21], выражающие субъективные отношения данного языкового сообщества к регулярно повторяющейся дискурсивной ситуации.

Список использованных источников

1. Chandler, D. *Semiotics. The Basics* / D. Chandler. – NY, L., Routledge, 2007. – 273 p.
2. Merrel, F. *Sign, mind, time, space: Contradictory complementary coalescence* / F. Merrel // *Semiotica*. Vol. 177. № 1/4. De Gruyter Mouton, 2009. – P. 29–116.
3. Sebeok, T. *Global semiotics* / T. Sebeok. – Bloomington : Indiana University Press, 2001. – 238 p.
4. Fink, Z. *Bibliografija hrvatske frazeologije i popis frazema analiziranih u znanstvenim i stručnim radovima* / Z. Fink, B. Kovacevic, A. Hrnjak. – Zagreb : Knjigra, 2010. – 814 s.
5. Алефиренко, Н. Ф. *Когнитивно-прагматические истоки фраземосемиозиса : монография* / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта-Наука, 2018. – 192 с.
6. Алефиренко, Н. Ф. *Введение в когнитивную фразеологию* / Н. Ф. Алефиренко. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 152 с.
7. Семенов, Н. Н. *Русские паремии: функции, семантика, прагматика* / Н. Н. Семенов. – Старый Оскол : Изд-во «Роса», 2011. – 355 с.
8. Кимов, Р. С. *Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемические механизмы формирования языковой картины мира* / Р. С. Кимов. – Нальчик : Каб.-Балк. ун-т, 2010. – 183 с.
9. Опарина, Е. О. *Концептуальная метафора* / Е. О. Опарина // *Метафора в языке и тексте*. – М. : Наука, 1988. – С. 65–78.
10. Телия, В. Н. *Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция* / В. Н. Телия // *Метафора в языке и тексте*. – М. : Наука, 1988. – С. 26–52.

11. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. / А. Н. Леонтьев. – Т. 1. – М. : Педагогика, 1983. – 392 с.
12. Алефиренко, Н. Ф. Дискурсивно-модусный концепт как источник фраземосемиозиса / Н. Ф. Алефиренко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: научный журнал; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2016. № 3. – С. 7–12.
13. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева ; под ред. И. Б. Ханиной. – М. : Наука : Смысл, 1999. – 349 с.
14. Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник Московского ун-та. Серия 14. Психология, 1984. – № 4. – С. 13–20.
15. Симонов, П. В. Эмоциональный мозг / П. В. Симонов. – М. : Наука, 1981. – 216 с.
16. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М. : Директ-Медиа, 2008. – 446 с.
17. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики : учеб. пособие / В. Ф. Петренко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 400 с.
18. Келли, Дж. А. Теория личности: Психология личностных конструктов / Джордж А. Келли; пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб. : «Речь», 2000. – 248 с.
19. Серкин, В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики : учеб. пособие / В. П. Серкин. – М. : Изд-во «Пчела», 2008. – 382 с.
20. Alefirenko, N. Metaphorical Discourse / N. Alefirenko, M. Nurtazina // Cuadernos de Rusística Española. – Granada : Universidad de Granada, 2018. – Vol. 14. – P. 15–28.
21. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение / В. И. Коваль. – Минск : Республиканский институт высшей школы, 2011. – 194 с.

Abstract. The article considers the cognitive mechanisms of phrasemosemiosis, which is understood as a speech-thinking process that controls the appearance and functioning of signs of an indirectly derived nomination. The nature of the indirectly derived nomination is predetermined by the conjunction of associative-figurative and discursive thinking, which triggers the mechanisms of linguocreative phrasemosemiosis. It is proved that discursive thinking generates a figurative model of a communicatively significant fragment of the world picture nominated by a phraseological unit.

Keywords: phrasemosemiosis, linguistic creative thinking, perceptual world, image, discursive-modus concept.

УДК 811.16'367'42:398.9

Д. В. Андрианова, Н. Д. Игнатьева

О НЕКОТОРЫХ СЛОЖНЫХ СЛУЧАЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ ДЛЯ «АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ, УКРАИНСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ПОСЛОВИЦ»

Аннотация. В статье представлен обзор некоторых сложных случаев, с которыми пришлось столкнуться составителям «Аксиологического словаря русских, украинских и белорусских пословиц» на этапе лексикографирования. Концепция привлечения для работы максимально полного пословичного материала, с одной стороны, позволила обеспечить высокий уровень достоверности исследования, с другой стороны, потребовала очертить границы допустимой семантической и аксиологической диффузности единиц, включаемых в рамки одной словарной статьи. Работа с трехязычным материалом выявила необходимость определить последовательность расположения пословиц разных языков, а в отдельных случаях – сделать исключения из этого порядка. Принятая составителями ориентация на структурно-семантическую модель пословиц при их группировке в рамках словарной статьи, в свою очередь, обнажила случаи аксиологической оппозиции некоторых пословичных эквивалентов.

Ключевые слова: пословица, аксиология, аксиологическая оппозиция, восточнославянские пословицы, аксиологический словарь.